

«Тем лучше, раз он не из тех, кто ценит лишь женскую прелесть. С таким сладить куда проще!»

Цинь Цзычу мгновенно сообразил, что в его распоряжении оказалось гораздо больше рычагов влияния, чем он думал поначалу. По крайней мере, незаурядная красота этого тела могла сослужить отличную службу — стоило лишь пустить её в ход, пока Люй Бувэй не опомнился, и выжать из торговца как можно больше выгоды.

Люй Бувэй смущённо опустил глаза и нервным жестом поправил широкий рукав. Лишь мгновение спустя он вновь поднял лицо, на котором заиграла привычная мягкая улыбка:

— Коли молодой господин не против моего назойливого общества, я непременно буду заглядывать почаще. Впрочем... — Он негромко рассмеялся, но смех вышел натянутым. — Вы ведь с супругой едва сочетались браком, у вас сейчас самый разгар нежных чувств. С чего бы вам желать, чтобы здесь постоянно путался какой-то Люй Бувэй...

Договорить он не решился — осёкся на полуслове, плотно сжав губы, а меж его бровей пролегла глубокая складка. Впрочем, Люй Бувэй тут же вернул себе самообладание. Непринуждённо улыбнувшись, он подошёл ближе, дружески похлопал Цзычу по плечу и, встав с ним бок о бок, мягко предложил:

— Вы с господином Гунсунь Цянем давно не собирались за чашей вина. Как насчёт того, чтобы завтра вечером не упустить такую возможность? Я возьму все расходы на себя. Устроим знатный пир — заодно и отпразднуем благую весть о скором прибавлении в вашем семействе.

Цинь Цзычу понятия не имел, кто такой этот Гунсунь Цянь. Но раз уж Люй Бувэй заговорил о нём так буднично, они наверняка были знакомы ещё по временам их совместной жизни в царстве Чжао. Отыгрывая роль счастливого будущего отца, Цзычу расплылся в глуповатой восторженной улыбке и согласно закивал:

— Прекрасная мысль! Ради такого торжества Ижэнь непременно явится без опозданий.

Люй Бувэй мягко перехватил его руку и, заглянув юноше в глаза, вкрадчиво произнёс:

— К чему эти церемонии между нами, молодой господин? Позвольте мне самому заехать за вами. Мой экипаж будет к вашим услугам.

Цзычу изобразил на лице лёгкое смущение и нерешительно протянул:

— Но прилично ли это? Ехать на пир к Великому наставнику, да ещё и заставлять вас лично присылать за мной повозку...

Воспользовавшись моментом, Люй Бувэй осторожно сжал его ладонь и увлёк за собой в комнату. Они сели на циновки совсем рядом, плечом к плечу. Торговец заговорщически улыбнулся:

— Совсем вылетело из головы, когда приходил к вам утром. Ваша матушка, госпожа Хуаян,

прознала о том, как преданно её названный сын тоскует по родине в чжаоском плену. Ей донесли, что в дни рождения правителя, наследного принца и его супруги вы неизменно держите пост, совершаете омовение и, возжигая благовония, творите земные поклоны, обратившись лицом к западу, в сторону родных земель. Госпожа Хуаян была растрогана до глубины души. Она самолично вместе со служанками сшила для вас целый ларь великолепных нарядов. Раз уж завтра намечается пир, мои люди доставят эти дары в полдень. Выберите себе что-нибудь по вкусу и предстанете перед Гунсунь Цянем во всём величии. Пусть этот негодяй воочию убедится, что ваше положение изменилось и простому зрителю более не дозволено выказывать вам пренебрежение. Ах да, чуть не забыл: мать Чжао Цзи я тоже перевёз, как вы и просили. Сейчас она обустраивается в небольшом доме на соседней улице.

«Так вот оно что! Гунсунь Цянь — зритель этой усадьбы!»

Впрочем, надзор здесь всегда казался на удивление необременительным.

Немного поразмыслив, Цычу без труда разгадал эту загадку. Люй Бувэй говорил о Гунсунь Цяне слишком уж панибратски. Очевидно, хитрый купец давно приручил зрителя звонкой монетой — только благодаря этому он и смог в своё время беспрепятственно проникнуть в поместье и завести знакомство с опальным принцем.

Сделав вид, что поражён до глубины души, Цычу округлил глаза:

— Неужели матушка Хуаян действительно снизошла до того, чтобы собственноручно кроить и шить для меня одежду вместе со своими служанками? Какая милость... Хорошо! Завтра же я облачусь в её подарок!

Только тогда Люй Бувэй неохотно выпустил его ладонь и с поклоном улыбнулся:

— В таком случае ваш покорный слуга будет с нетерпением ждать вас завтрашним вечером.

Цычу, искусно изображая простодушного юнца, расплылся в широкой улыбке:

— Непременно! Завтра пьём до дна!

— Пойдёмте, взгляните на свитки, которые я для вас отобрал, — поднявшись, Люй Бувэй вновь без тени смущения взял его за руку. — Вы упоминали, что пока не желаете являться в свет. Осмотрите книги: коли какие-то придутся по душе, я велю доставить ещё.

Цычу не стал вырываться. С кротким и послушным видом он позволил увлечь себя к книжным полкам.

Косые лучи полуденного солнца проникали сквозь бумажные окна, рисуя на полу две длинные, почти слившиеся воедино тени. Скользя по ним взглядом, Люй Бувэй тихо вздохнул с глубоким удовлетворением, и его улыбка стала ещё теплее.

Ощущая под пальцами шелковистую, нежную кожу чужой ладони, купец невольно подумал, что все красавицы, которых он знал прежде, не стоят и ломаного гроша по сравнению с этим юношей. Пусть Цинь Цзычу и томился в изгнании, обделённый вниманием грозного отца, он всё же оставался царским внуком. С колыбели его окружали тончайшие шелка и изысканные яства; его ладони никогда не знали грубого труда. Неудивительно, что холили и лелеяли его при дворе бережнее, чем балованных дочерей в самых знатных семействах.

Эти руки — бледные, с изящными длинными пальцами и тонкими запястьями — не имели на себе ни единого следа невзгод или непогоды. Для Люй Бувэй, всеми фибрами души стремившегося приобщиться к высшему свету, подобная утончённость была сладостным искушением.

Сердце его замирало от восторга. Ему страстно хотелось, чтобы этот коридор тянулся бесконечно. Но усадьба, за которой приглядывала чжаоская стража, была невелика — всего через десяток шагов они оказались у цели.

Цзычу поднял взор и не сумел сдержать изумления. Полки, ещё в полдень зиявшие пустотой, теперь ломились от книг. Ровные ряды ярко-зелёных бамбуковых дощечек, аккуратно скреплённых прочной кожаной тесьмой, источали едва уловимый травянистый аромат свежести.

«Неужто их изготовили только что?!»

Заметив его взгляд, Люй Бувэй горделиво вскинул подбородок и указал на полки:

— Я не поскупился и нанял лучших мастеров. Свитки закончили буквально только что. Каждая плашка тщательно остругана и отполирована — ни единой зазубрины, которая могла бы оцарапать ваши драгоценные пальцы.

С этими словами Люй Бувэй резко повернулся к юноше. В его глазах вспыхнул такой жадный, лихорадочный блеск, что у Цзычу против воли ёкнуло сердце.

«Похоже, я недооценил этого человека!»

Люй Бувэй обладал безумной отвагой — он замахнулся на то, чтобы перекроить судьбу целой державы. Стоило ему чего-то пожелать — будь то верховная власть, почёт или редкая красавица, — он шёл напролом, не гнушаясь никакими средствами.

Цзычу с досадой осознал, что собственноручно роет себе яму.

Благо сейчас купец поставил на карту абсолютно всё своё состояние и не посмел бы прибегнуть к силе, ограничиваясь мягким ухаживанием. Не будь этой ставки, Люй Бувэй, вручив Чжао Цзи в жёны молодому господину, следующим же шагом потребовал бы плату плотью с него самого!

С трудом сохраняя на лице выражение восторженного удивления, Цзычу деликатно уклонился в сторону и шагнул к полкам. Он потянулся к свиткам, начав с живым интересом рассматривать бамбуковые планки.

Протянутая рука Люй Бувэя так и застыла в воздухе. Мужчина оцепенел на мгновение, впившись тяжёлым взглядом в изящный силуэт юноши, после чего медленно опустил руку. Скрытые широким рукавом халата, его пальцы сжались в плотный кулак.

Бережно удерживая в руках свежеструганный свиток, Цзычу восхищённо вздохнул и обернулся к торговцу. Одарив его взглядом, полным искренней признательности, он тихо произнёс:

— Великий наставник, ваша забота столь велика, что Ижэнь вовек не сможет расплатиться за неё.

Мрачная тень в глазах Люй Бувэя мгновенно рассеялась, уступив место прежней самоуверенности. Он ободряюще улыбнулся, ожидая продолжения.

Цзычу набрал в грудь воздуха и торжественно закончил:

— Обещаю усердно трудиться над этими трудами, дабы ни в чём не посрамить имя моего Великого наставника!

Люй Бувэй долго молча разглядывал юношу, после чего покачал головой и негромко рассмеялся. Вновь потрепав его по плечу, он весело отозвался:

— Хорошо сказано, молодой господин! Что ж, учитесь прилежно и не заставляйте меня сомневаться, что эти дары принесли пользу.

С этими словами Люй Бувэй вежливо откланялся и размашистым шагом направился к выходу из усадьбы, ни разу не обернувшись.

Поднявшись в карету, купец устроился на мягких подушках и долго глядел в окно на удаляющийся, сиротеющий вдали дом заложника. Мысли его пребывали в глубоком смятении.

В памяти всплыл день их первой встречи. К тому времени Ин Ижэнь провёл в заложниках у царства Чжао уже долгие годы. Каждый его шаг бдительно охранял отряд местных воинов. Командовал ими некий Гунсунь Цянь — чиновник мелкий, но жадный до безумия. Смекнув, что далёкому двору Цинь нет никакого дела до судьбы несчастного заложника, этот стяжатель без зазрения совести урезал и без того скромное жалование юноши. В итоге Ижэнь прозябал в нищете, кутался в обноски и даже не имел средств на то, чтобы нанять самую захудалую повозку для выезда в город.

Люй Бувэй тогда как раз прибыл по делам торговли в Ханьдань. Начинающий, но невероятно хваткий купец уже успел изрядно приумножить унаследованное богатство. И вот, когда он с

помпой катил по оживлённой столичной улице в роскошном, лакированном экипаже, его взгляд случайно упал на одиноко бредущего по обочине юношу с печатью глубокого уныния на лице.

Одного мимолётного взгляда хватило, чтобы Люй Бувэй потерял покой. В ту пору Ижэнь был совсем юн — нескладный подросток с неоформившимися чертами лица, который, вопреки простому мужскому платью, поражал воображение утончённым обликом. Нежная, будто светящаяся изнутри кожа, яркие очерченные губы и выразительный, трепетный взор придавали ему сходство со знатной юной девицей.

Помогая отцу вести дела, Люй Бувэй объездил полмира. Его богатство исчислялось тысячами золотых монет, и он вполне мог позволить себе содержать Чжао Цзи — незаконнорождённую дочь влиятельного ханьданьского семейства — в качестве наложницы. Но даже в лохмотьях Ижэнь сохранил такое величие осанки и редкое очарование, что купец приказал остановить коней и тотчас расспросил прохожих о таинственном незнакомце.

«Должно быть, уже тогда во мне проснулась греховная страсть к этому юноше», — с горькой усмешкой признался он себе теперь.

В тот день он и помыслить не мог, что этот миловидный юноша окажется не просто заброшенной судьбой сиротой, а настоящим циньским царевичем, заточённым в чужих краях в качестве заложника.

Мимолётное замешательство уступило место трезвому расчёту. Люй Бувэй мгновенно ухватился за представившуюся возможность. Он осознал, что этот незащищённый заложник может стать его пропуском в мир высшей власти и поможет наконец избавиться от позорного клейма презренного торговца, пусть и баснословно богатого.

Вновь бросив взгляд на усадьбу Ижэня, купец с разочарованным вздохом покачал головой и задвинул шторку экипажа. Он прекрасно понимал, что юноша не бросится за ним вслед. В душе Люй Бувэй росло глухое раздражение на самого себя: тесное общение в последнее время заставило его позабыть об осторожности. Он начал презирать Цзычу за очевидную слабость характера и скудоумие, позволяя себе вольности и недозволенные мысли. Но купец упустил из виду главное: каким бы ничтожеством ни казался этот юноша, теперь он официально признан законным преемником самой влиятельной женщины в Цинь — госпожи Хуаян!

Цинь Цзычу волен приблизить его к себе, осыпать милостями и сделать доверенным лицом, но сам он, безродный торговец, не имеет ни малейшего права посягать на особу царской крови.

Едва за гостем закрылись ворота, Цинь Цзычу без сил опустился на циновку. Он чувствовал себя так, словно только что пережил жестокое сражение. Постоянная необходимость притворяться и взвешивать каждое слово перед столь проницательным соперником выпивала из него все соки, требуя колоссального напряжения сил.

Он потёр ноющие виски и мысленно поклялся, что впредь никогда не станет вести столь

легкомысленные игры с чужими чувствами.

Вновь прокрутив в голове недавнюю беседу, Цзычу поднялся, взял с полки наугад один из бамбуковых свитков и неспешно направился в покои супруги.

Шум во дворе не мог не разбудить Чжао Цзи. Когда Цзычу вошёл, она сидела в постели, задумчиво и немного грустно глядя на раскачивающиеся за окном ветви платана. Однако едва её взор коснулся мужа, лицо женщины озарилось счастливой улыбкой.

Цзычу не питал к ней глубоких чувств, но преданность и искренняя радость в её глазах невольно согревали ему сердце.

Он быстро подошёл к постели, опустился рядом и, положив свиток на одеяло, бережно коснулся губами её ладони:

— Люй Бувэй только что прислал мне целую гору книг, дабы я набирался ума-разума. Мне давно известно, что моя супруга — девица весьма образованная и начитанная. Я пришёл просить тебя о милости: будь моей наставницей, помоги разобраться в этих мудрёных текстах.

Чжао Цзи приняла свиток, развернула его на коленях и, пробежав глазами по аккуратным строкам, со смешком свернула обратно:

— Начертанные здесь письма мне и впрямь знакомы. Однако, коли молодой господин желает брать у меня уроки, ему придётся хорошенько постараться, дабы умиловить свою учительницу.

Цзычу придвинулся ближе и нежно запечатлел поцелуй на её виске:

— Разве это преграда для любящего супруга? Собирайся, душа моя, а я пока велю запрягать повозку. Нынешним вечером тебя ждёт подарок.

Чжао Цзи поймала его за край рукава, сияя от любопытства:

— Куда же мы едем, господин мой? Что ты задумал?

Цзычу заговорщически подмигнул ей:

— Это тайна. Собирайся, сама всё увидишь.

Сгорая от нетерпения, женщина быстро оделась с помощью служанок. Но у самого порога Цзычу со смехом повязал ей на глаза плотную полосу шёлка, после чего подхватил на руки и отнёс в экипаж. Чжао Цзи лишь весело заливалась смехом, прижимаясь к его груди.

Колёса повозки мерно застучали по мостовым Ханьдани. Вскоре экипаж остановился, и Цзычу вновь поднял супругу на руки. Они шли довольно долго — Чжао Цзи уже чувствовала, как

тяжело вздымается его грудь от непривычной ноши, когда он наконец бережно опустил её на пол.

До боли знакомый, родной аромат коснулся её лица. Чжао Цзи поспешно сорвала повязку и замерла: прямо перед ней стояла немолодая женщина, чьи глаза были полны горьких и радостных слёз.

Мать с рыданием бросилась к ней, крепко сжав в объятиях:

— Доченька моя... Сколько же тебе пришлось перенести!

Чжао Цзи лишь беззвучно плакала, мотая головой от нахлынувших чувств. Цзычу с мягкой улыбкой наблюдал за ними со стороны:

— Ну как, супруга моя, довольна ли ты?

Она смогла лишь судорожно закивать, содрогаясь от рыданий.

Вдруг из сеней донёсся звонкий грохот — точно кто-то уронил медную утварь. Цзычу обернулся на шум. В дверном проёме застыл слуга. Встретившись взглядом с хозяином, бедолага побелел как полотно, колени его подогнулись, и он без сил рухнул на дощатый пол, не в силах вымолвить ни слова.

<http://bllate.org/book/18277/1750272>